

Н. Д. КОЧЕТКОВА

**НЕМЕЦКИЕ ПИСАТЕЛИ
В ЖУРНАЛЕ НОВИКОВА «УТРЕННИЙ СВЕТ»**

До сих пор остаются во многом не исследованными переводные произведения, появившиеся в русских изданиях XVIII в. Между тем их изучение может дать много полезного для понимания характера того или иного журнала.

В «Утреннем свете» (1777—1780) Н. И. Новикова переводы с немецкого занимают большое место. Это свидетельствует об определенной философской и литературной ориентации журнала. Поддерживая постоянные связи с немецкими масонами, члены новиковского кружка хорошо знали и крупных и второстепенных авторов Германии.

Не имея возможности дать подробный анализ всех многочисленных произведений, переведенных с немецкого и напечатанных в «Утреннем свете», остановимся лишь на двух наиболее значительных по объему и по содержанию — «Федоне» и «Путешествии добродетели».

С большим интересом современники отнеслись к сочинению Мозеса Мендельсона «Федон, или О бессмертии души». Вслед за первым немецким изданием 1767 г. последовало еще несколько; «Федон» был переведен на французский, латинский, а затем голландский, итальянский, венгерский, датский, английский языки.¹

М. Мендельсон, дед композитора Феликса Мендельсона-Бартольди, был одним из замечательных деятелей немецкого Просвещения: талантливый самоучка, он оказался достойным другом и сподвижником Лессинга, его сочинения привлекали внимание не только многих выдающихся современников, но и людей более поздних поколений.² Так, называя М. Мендельсона «одним из

¹ См.: Friedländer D. Einleitung. — In: Mendelssohn M. Phädon oder über die Unsterblichkeit der Seele. Berlin, 1856, S. XXI.

² См.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 327—329; Berwin B. Moses Mendelssohn im Urteil seiner Zeitgenossen. Berlin, 1919; Erläuterungen zur deutschen Literatur. Aufklärung. Berlin, 1963, S. 486—496.

лучших и благороднейших людей своего времени», Н. Г. Чернышевский писал о новом издании «Федона» на русском языке: «Мы радуемся успеху „Федона“ не потому, чтоб он мог в наше время считаться основательным трактатом о бессмертии души, а потому, что знакомство с сочинениями людей таких честных и благородных душою, возвышенных по уму и по образу мыслей, как Мендельсон, приносит несомненную пользу читателям, хотя бы эти сочинения уже устарели».³

Первый русский перевод «Федона» появился на страницах «Утреннего света». Есть основание полагать, что это произведение рассматривалось издателями в какой-то степени как программное. В первой части журнала, непосредственно после «Предупреждения», была напечатана статья «Житие и свойства Сократовы».⁴ Эта статья, открывающая первую сентябрьскую книжку журнала, представляет собой не что иное, как перевод из предпосланного «Федону» жизнеописания Сократа — «Leben und Charakter des Sokrates». В предисловии к «Федону» Мендельсон писал: «Я считаю полезным предпослать описание характера Сократа, чтобы освежить у моих читателей воспоминание о всемирно известном мудреце, который в разговорах выступает как главное лицо. При этом „Жизнь Сократа“ Купера (Лондон, 1750) служила для меня путеводной нитью; однако использованы были также первоисточники».⁵ Сопоставление русского и немецкого текстов обнаруживает, что «Житие и свойства Сократовы» — это довольно точный перевод из Мендельсона.

В самом начале октябрьской книжки был помещен «Разговор первый» из «Федона», а в ноябрьской — «Разговор второй» и «Разговор третий». Таким образом был напечатан перевод всего сочинения Мендельсона, осуществленный, по всей вероятности, кем-то из основных участников издания.

Исследователи справедливо указывали на эклектический характер журнала «Утренний свет». П. Н. Берков писал об этом издании: «...если Новиков печатает отрывки из книги Бэкона и помещает свои собственные статьи, посвященные проблемам этики, разрабатываемым в прогрессивном духе, то тут же — и, конечно, не против его воли (раз на нем был отдел философии) — находит место „настойчивая проповедь «уединения» как единственно великой цели человеческого существования“».⁶

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, с. 343.

⁴ Утренний свет, 1777, ч. I, с. 1—44.

⁵ «Den Charakter des Sokrates habe ich für dienlich erachtet voraus zu schicken, um bei meinen Lesern das Andenken des Weltweisen aufzufrischen, der in den Gesprächen die Hauptperson ausmacht. Cooper's Life of Socrates (London, 1750) hat mir dabei zum Leitfaden gedient; jedoch sind auch die Quellen zu Rathe gezogen worden» (Mendelssohn M. Phädon... S. XXXVI).

⁶ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 399—400.

Сочинению, которым открывались три первые книжки журнала, издатели, конечно, придавали большое значение и потому оно заслуживает особого внимания.

По своему содержанию «Федон» — это произведение сложное, имеющее много разнообразных аспектов. Центральная идея Мендельсона — обоснование бессмертия человеческой души. Многие соображения, высказанные немецким философом в связи с развитием этой идеи, оказались близки и созвучны А. Н. Радищеву в период его работы над трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии», сочинением, которое «подводило итог философским спорам 80-х годов, помогало формированию новой морали».⁷ Исследователь Х. Грасхоф (ГДР) недавно убедительно показал, что «Радищев при доказательстве бессмертия человеческой души в важнейших пунктах использовал аргументацию Мендельсона, сочинению которого, известному во всей Европе, — „Федон, или О бессмертии души“ (1767), — он следовал в важнейших частях, но обогатил примерами, взятыми из современности и русской жизни».⁸

В связи с изучением формирования литературно-философских взглядов Карамзина немецкий ученый Х. Роте довольно подробно охарактеризовал произведение Мендельсона и развернувшуюся вокруг него полемику в Германии.⁹ Исследователь заметил, что многие идеи «Федона» были близки русским масонам-литераторам, членам новиковского кружка. Однако на русский перевод «Федона» в «Утреннем свете» Х. Роте не обратил внимания.

Высокое представление о человеке и его нравственных возможностях — вот что в первую очередь привлекало издателей «Утреннего света» в сочинении Мендельсона. Здесь развивалась мысль о том, что вся природа, все животные должны быть полезны человеку, который занимает «в великом мире первейшее место».¹⁰

Представление о человеке как о «совершеннейшем творении бога» было очень существенно для Новикова. В «Предупреждении» к «Утреннему свету», статье программного характера, говорилось: «Все три царства природы были бы для нас немногоченны, если б нам опыты не доказывали, что человек всего одного сотворен владыкою. <...> Все нам доказывает, что между видимыми вещами, кои в течение толиких лет мы узнали, ничего презыщнее, величественнее и благороднее человека и его от источника благ происходящих свойств не находим».¹¹ Эта же идея под-

⁷ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 508.

⁸ Grasshoff H. A. N. Radiščev und Moses Mendelssohn. — In: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. Berlin, 1969, S. 338.

⁹ См.: Rothe H. 1) Karamzinstudien II. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1962, B. XXX, H. 2, S. 275—288; 2) N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans. Berlin—Zürich, 1968, S. 66—69.

¹⁰ Утренний свет, 1777, ч. I, с. 228.

¹¹ Там же, с. X—XI.

робно развивалась в статье «О достоинстве человека в отношениях к богу и к миру»,¹² содержащей прямое указание на то, что она написана самими издателями. Сходство с приведенным местом «Федона» обнаруживается здесь в целом ряде случаев. Так, в издательской статье говорится, что «человеки» — это «цель всего мира», «Владыки мира», «божества, для коих солнце сияет, звезды блистают, которым звери служат, для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят».¹³

Статья «О достоинстве человека» появилась в декабрьском, то есть в четвертом выпуске журнала, причем так же, как «Федон», была помещена в самом начале книжки. Таким образом, читатели могли воспринимать эту статью и как своеобразное продолжение «Федона» и как комментарий к нему. Издательская статья давала ключ к пониманию «Федона», помогала выделить самое главное в содержании этого произведения. Сочинение Мендельсона можно было интерпретировать по-разному. Характерно, что издатели «Утреннего света» обратили внимание прежде всего на идею о высоком назначении человека. Непосредственным выводом из этого для Новикова и близких ему по взглядам масонов была мысль о необходимости активного служения во имя общего блага. Сознвая свое превосходство над прочими творениями, люди должны поступать «по величию своего достоинства».¹⁴ Вдумчивый читатель, вернувшись к «Федону», мог найти аналогию этой идеи в следующем отрывке: «Грозит ли тиран падением отечеству своему, угнетаемо ли правосудие, обидима ли добродетель, гонимы ли закон божий и истина, то делай употребление из жизни твоей, для которого она тебе и дана: умри, дабы через то человеческому роду сохранить дражайшие средства ко всеобщему блаженству его!».¹⁵

Жизнеописание Сократа, предпосланное «Федону», служило реальным историческим примером, как бы иллюстрирующим философский трактат Мендельсона. Сократ предстает как идеальный гражданин, который «здравие, могущество, спокойствие, тишину, наконец, и самую жизнь отдал со удовольствием для блага добрых ему».¹⁶ Идея бессмертия души, развиваемая в «Федоне», приобретает значение, чрезвычайно актуальное для Новикова и его единомышленников. Не отрешение от земной жизни, а деятельное участие в ней, сопротивление всякой несправедливости и злоупотреблению — вот принципы, которыми руководствуется Сократ: «Как скоро какое-нибудь предрассуждение или суеверие подавало способ к насилию и угнетению прав человеческих или к развращению нравов и к сему подобному, то ничто в свете не

¹² Там же, с. 285—297.

¹³ Там же, с. 293.

¹⁴ Там же, с. 296—297.

¹⁵ Там же, с. 236.

¹⁶ Там же, с. 7.

могло его удержать, не взирая на опасность и гонение, оным сопротивляться». ¹⁷

Пристальное внимание к внутреннему миру человека и его психологии, характерное для русских масонов, было связано с возникновением сентиментального направления в литературе. В этом отношении сочинение Мендельсона также представляло значительный интерес для издателей «Утреннего света». Так, в «Федоне» встречается следующее рассуждение о «приятности»: «С первого взгляда кажется, что чувствование сие совсем противное неприятности; ибо ничто не может быть человеку приятно и в то же самое время неприятно; однако ж не можно иметь одного из двух чувствий сих, не чувствуя вскоре потом и другого; кажется, будто концы их между собой связаны». ¹⁸

Подобное представление о противоречивости человеческих чувств содержится и в известной статье из «Московского ежемесячного издания» «О приятности грусти», ¹⁹ долго считавшейся оригинальным произведением А. М. Кутузова, но в действительности представляющей перевод сочинения Геллерта «Von den Annehmlichkeiten des Mißvergnügens». ²⁰

Тема времени, занявшая видное место в литературе, и особенно в поэзии русского сентиментализма, получила в «Федоне» довольно глубокое философское осмысление. Развивая идеалистическую теорию бессмертия души, Мендельсон, однако, проявил диалектический подход к проблеме времени. Среди предметов материального мира он не находил ничего, «что бы было постоянно так, чтоб после одного мгновения ока сказать можно, что оно есть еще то же». ²¹ Эта идея получила поэтическое выражение в ряде стихотворений русских авторов, в частности М. Н. Муравьева, одного из сотрудников журнала «Утренний свет».

В одном из примечаний к «Федону» Мендельсон разъяснил, как он понимает различие в интенсивности чувств: «Ежели сильные впечатления производят сильные чувствования, то и самые слабейшие совсем без действия быть не могут. Они производят чувствования, которые различаются от первых единою силою». ²² Позднее эта мысль получила дальнейшее развитие у одного из теоретиков русского сентиментализма В. С. Подшивалова. В «Отрывке о слоге» он писал: «Страсть есть сильное и постоянное впечатление чувствительности <...>; чувствование есть страсть в малом виде». ²³

¹⁷ Там же, с. 24.

¹⁸ Там же, с. 99.

¹⁹ Московское ежемесячное издание, 1781, ч. III, с. 141—153.

²⁰ Впервые на принадлежность этой статьи Геллерту указал П. Бранг. См.: Brang P. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1962, Bd XXX, H. 2, S. 44—57.

²¹ Утренний свет, 1777, ч. I, с. 224.

²² Там же, с. 192—193.

²³ Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1791, ч. IV, с. 387.

С сочинением Мендельсона был хорошо знаком и самый крупный русский писатель сентиментального направления — Н. М. Карамзин. Отлично владея немецким языком, он мог познакомиться с ним и в подлиннике, но, кроме того, он, конечно, знал и русский перевод, напечатанный в «Утреннем свете». Достаточно сказать, что в числе первых подписчиков журнала была Настасья Ивановна Плещеева,²⁴ с которой впоследствии Карамзин был связан долголетней дружбой. В «Письмах русского путешественника» Карамзин приводит свой разговор о «Федоне» с «прагским студентом», который называет произведение Мендельсона «остроумнейшим философическим сочинением», но не принимает системы доказательств немецкого автора. В качестве ответа на сомнения студента Карамзин читает ему отрывок из письма Лафатера, касающийся проблемы бытия.²⁵

Этот факт чрезвычайно интересен, так как позволяет по-новому понять характер переписки Карамзина с швейцарским философом. Дело в том, что «Федон» возник в результате переписки Мендельсона с юношей Томасом Аббтом, который обращался к нему как к более зрелому человеку, имевшему уже репутацию мудрого философа, с вопросами о смысле и цели человеческого существования. Ответы на вопросы Аббта и составили содержание «Федона», о чем писал сам Мендельсон в предисловии к этому сочинению. Таким образом, обращение юного Карамзина к Лафатеру с аналогичными вопросами могло быть подсказано этим прецедентом. Это подтверждает и приведенный в «Письмах русского путешественника» разговор о «Федоне», в котором Карамзин использует ответы Лафатера. Именно Лафатер выступил как главный противник Мендельсона, и Карамзин, по всей очевидности, знал содержание их полемики, как показал в своих исследованиях Х. Роте.

Таким образом, напечатанный в «Утреннем свете» перевод «Федона» не прошел незамеченным, он привлек внимание русских литераторов XVIII в., по-своему воспринявших и осмысливших это произведение.

Если имя Мендельсона было широко известно не только в Германии, но и за рубежом, то имя автора «Путешествия добродетели» остается неизвестным даже современным немецким литературоведам. Перевод этого сочинения появился вначале в «Утреннем свете»,²⁶ а затем вышел отдельным изданием.²⁷

---

²⁴ Утренний свет, 1778, ч. II, с. III.

²⁵ Карамзин Н. М. Избр. соч. в двух томах, т. I. М.—Л., 1964, с. 152—153.

²⁶ Утренний свет, 1778, ч. II, с. 239—266; ч. III, с. 97—184, с. 191—263.

²⁷ Путешествие добродетели, или Странствования по свету юного китайского царевича с философом, предводительствовавшим и научившим оного, в новейшее время случившееся. Ч. I—II. М., 1782.

По инициалам переводчика А. К. исследователи с полным основанием приписывают этот перевод А. М. Кутузову.²⁸

«Путешествие добродетели» с разных сторон характеризовалось в науке. Советские ученые справедливо указывали, что здесь нашли отражение антиматериалистические воззрения. Вместе с тем, как показал И. З. Серман, в этом произведении есть много элементов, сближающих его с социальными утопиями XVIII в.²⁹

Швейцарский исследователь П. Бранг считает «Путешествие добродетели» переводом одного немецкого подражания «Сентиментальному путешествию» Стерна. Бранг находит здесь попытку передать эмоциональный стиль подлинника и полагает, что этот перевод имел «большое значение для развития „лирической прозы“ русского сентиментализма».³⁰

Между тем для анализа этого произведения могут быть полезны сведения о его авторе. «Путешествие добродетели» представляет собой перевод анонимно напечатанной в 1776 г. в Лейпциге книги «Reise der Tugend». В словаре Х. Г. Кайзера устанавливается принадлежность этого сочинения писателю Г. В. Беришу.³¹

Этот автор был, по-видимому, довольно скоро забыт соотечественниками, так как в крупнейших немецких биографических словарях нет никаких сведений о нем. Даже тщательный библиограф К. Гедике лишь упоминает имя Бериша. Однако в словаре Хамбергера и Мойзеля «Ученая Германия» приводится небольшая биографическая справка о Берише и довольно длинный список его произведений.³²

Генрих Вольфганг Бериш, или Берис, как иногда писалось его имя, родился в Наунхофе в 1744 г. Авторы словаря называют его «странствующим писателем» («ein wandernder Schriftsteller»): он был на военной службе в Польше, затем жил некоторое время в Дрездене, Вене, Магдебурге, где преподавал французский язык, с 1794 г. жил в Венгрии. Умер он в 1825 г. Перечень его сочинений, составленный в 1796 г., превышает сорок номеров, причем сюда включены только отдельные издания, а в конце его есть указание на то, что Бериш сотрудничал также в различных журналах и альманахах.

²⁸ См.: Семеновиков В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании. Пб., 1921, № 286.

²⁹ Серман И. З. От социально-политических утопий XVIII в. к идеям социализма в начале XIX в. — В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969, с. 68—69.

³⁰ «... von großer Bedeutung für die Entwicklung der „lyrischen Prosa“ des russischen Sentimentalismus». — B r a n g P. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland, S. 50.

³¹ K a y s e r Ch. G. Vollständiges Bücher-Lexicon. 4-e Theil, M—R. Leipzig, 1834, S. 479.

³² Das gelehrte Teutschland oder Lexikon der jetzt lebenden teutschen Schriftsteller. Anfangen von G. Ch. Hamberger Fortgesetzt von J. G. Meusel. B. 1. Lemgo, 1796, S. 249—251.

Все эти книги выходили анонимно, и о принадлежности их Берришу известно благодаря списку, который частично был включен в изданный им «Всеобщий литературный словарь»³³ (3 части, Ганновер, 1778—1779), частично по его письменным указаниям, сделанным для издателей «Ученой Германии».

Уже самые заглавия книг Берриша могут дать представление о их литературно-философской направленности. Приведем несколько наиболее характерных: «Диалоги доброго»; «Проповеди к моим братьям»; «Золотая книга, или Мораль для сердца»; «Введение во всеобщую гармонию божественного учения всех народов и времен»; «Философия нравственного наслаждения»; «Голос религии к лучшим среди людей»³⁴ и др.

Темы сочинений этого немецкого автора были очень близки русским масонам. Неудивительно, что А. М. Кутузов обратил внимание на одно из произведений Берриша и взялся за его перевод.

«Путешествие добродетели» не очень замечательно по своим художественным достоинствам, но представляет собой значительный интерес во многих других отношениях.

При всей склонности Берриша к отвлеченному морализированию его собственный богатый жизненный опыт невольно нашел отражение в «Путешествии добродетели».

Внешним сюжетным стержнем «Путешествия» служит история любви китайского принца Тсангли к итальянке Клеменции, завершающаяся их счастливым бракосочетанием. Герои Берриша — Тсангли, его наставник и постоянный спутник Иезрад, Клеменция — все это не живые характеры, а идеальные схемы. В рассуждениях каждого персонажа постоянно слышится голос самого автора: он размышляет о религии, о философии, о политике, о науке, о литературе.

Как отмечалось уже исследователями, «Путешествие добродетели» направлено против атеизма и материализма. Однако в сочинении есть момент, указывающий на то, что автор стремится отстоять не официальную религию церкви, а «внутреннюю» религию, религию сердца, за которую ратовали масоны. С явным сочувствием Берриш пишет о жрецах Крита: «Они просвещали других, не ища быти видимыми и не имели нужды во принятии на

---

³³ Allgemeines Autor- und Literaturlexikon, in alphabetischer und chronischer Ordnung bis 1778. 3 Theile. Hannover, 1778—1779.

³⁴ «Dialogen der Guten» (Leipzig, 1775); «Predigten an meine Brüder» (ebd., 1775); «Das goldene Buch, oder Moral fürs Herz» (ebd., 1776); «Einleitung zur allgemeinen Harmonie der Götterlehren aller Völker und Zeiten» (ebd., 1776); «Philosophie der sittlichen Wollust» (Prag, 1777); «Die Stimme der Religion an die besten unter den Menschen» (Münster, 1779). Одна из книг Берриша («Chrysophil, oder Der Weg zum Glück». 4 Theile. Altenburg, 1777) была позднее переведена на русский язык Андреем Наумовым: Хризофил, или Путь к благополучию и открытие человеческих заблуждений в свискании оного. Ч. 1—4. М., 1769. См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. I. М., 1963, с. 93.

себя вида важности. Человеколюбие и патриотический дух составляли единую душу целого их ордена».³⁵

Русские масоны встретили в «Путешествии добродетели» соответствующие их взглядам высказывания о бессмертии души, о необходимости нравственного совершенствования, о всемогуществе добродетели, о веротерпимости, о пользе науки и образования. В связи с этими вопросами Бериш останавливается и на проблеме идеального государя, остро волновавшей и русских писателей XVIII в. Немецкий автор считает, что истинно великий государь «тайных наушников презирает, а защищает тех, кои именем его учиненные злоупотребления обличают явно», «что государь не может иначе учиниться великим, как быв справедливым и благотворительным».³⁶ Подобный урок царям легко мог найти применение к русской действительности и послужить упреком Екатерине, окружавшей себя далеко не самыми достойными людьми. Подобный же смысл могло иметь в книге Бериша описание «наисовершеннейшего законодательства» Англии, «где и наипоследнейший из народа рассуждает, имея власть сообщать мысли свои <...>, где ученые не опасаются ни притеснения, ни изгнания; где все науки процветают и все художества награждаются, где торговля умножает дворянство».³⁷

Таким образом, перевод «Путешествия добродетели» отражал определенную оппозиционность русских масонов по отношению к правительству, хотя эта оппозиционность имела довольно ограниченный, умеренный характер. Конечно, важно при этом учесть, что среди членов новиковского кружка не было полного единства ни в философских, ни в политических, ни в литературных воззрениях. Поэтому, говоря о переводе Кутузова, следует помнить, что речь идет об *одной* из точек зрения, а не о системе масонских взглядов в целом.

Соответственно нужно относиться и к литературной ориентации Бериша. В «Путешествии добродетели» неоднократно порицаются сочинения Вольтера, Руссо, Гельвеция и других французских просветителей. Им противопоставляются правоучительные произведения Геллерта, Дора, Ричардсона, встречаются ссылки на Мармонтеля, Филдинга и др. Особенно интересно высказывание о Геллерте: «Не в тысячу ли крат драгоценнее правоучение, подобное Геллертову, нежели целые книгохранилищницы, наполненные романами».³⁸

Об уважении и интересе русских масонов к Геллерту свидетельствуют переводы из его сочинений, осуществленные А. А. Петровым и А. М. Кутузовым,³⁹ а также небольшая издательская заметка в «Утреннем свете», предвещающая перевод «Мекахефы».

³⁵ Утренний свет, 1778, ч. II, с. 250.

³⁶ Там же, ч. III, с. 215—216.

³⁷ Там же, с. 255.

³⁸ Там же, с. 199.

³⁹ Подробно о них говорится в указанной выше работе П. Бранга.

Здесь в числе писателей, имена которых упоминаются в их отечестве «с почтением и достоинством», названы «Аддисон между англичан, Геллерт и Виланд между немцами и Мармонтель между французами».⁴⁰

Перечисление этих имен в «Утреннем свете» было своеобразным ответом на письмо, подписанное псевдонимом Иаков Всегдадут, где говорилось, что истинную мудрость можно найти скорее у древних, чем у современных авторов.⁴¹ Этот же вопрос поставил и Бериш в своем сочинении, причем решил его не так, как Иаков Всегдадут. В «Путешествии добродетели» есть специальная глава, носящая заголовок «Древние и новые», в которой автор полемизирует с теми, кто предпочитает чтение древних современным писателям. Как и во многих других случаях, переводное произведение было органично включено в полемику, развернувшуюся на страницах «Утреннего света».

В рецензии на отдельное издание «Путешествия добродетели» книга получила в высшей степени благоприятный отзыв. «Предмет сего сочинения, — писал русский критик, — <...>научает каждого человека почитать и любить всемогущего творца вселенныя, поставлять добродетель единою целию путешествия своего в жизни и упражняться в оной всегда и во всяких обстоятельствах. Наставления, подаваемые помянутым философом (Израдом, — *Н. К.*) своему воспитаннику, и тонкие размышления сего последнего не могут не восхитить человека, одаренного чувствительностью и добротою сердца, и не исполнить душу его побуждением исторгнуть себя из владычества страстей, которому он еще подвержен. Мы признаемся, что читали сию книгу с величайшим в свете удовольствием и надеемся, что она принесет равномерно оное и всем читателям, имеющим здравый рассудок и свободные от пристрастий мысли».⁴² Рецензент рекомендует книгу людям, «одаренным чувствительностью и добротою сердца», характеризуя, таким образом, не только сочинение Бериша, но и его русских читателей, во многом уже подготовленных к восприятию произведений, проникнутых идеями сентиментализма.

Книга Бериша представляла значительный интерес для русских литераторов и с точки зрения самого жанра. Опираясь, по видимому, на свои личные впечатления, «страпствующий писатель» сумел дать общее представление о характере, обычаях и нравах некоторых народов. С сочувствием вспоминая Стерна, Бериш увлеченно говорит о пользе путешествий, которые дают возможность «рассмотреть характеристические черты всяя нации и дополнить то, что в каждом писателе кажется нам темным».⁴³

«Путешествие добродетели» было одним из интереснейших в этом жанре произведений того времени, и оно, безусловно, долж-

⁴⁰ Утренний свет, 1778, ч. IV, с. 317.

⁴¹ Там же, ч. II, с. 356—357.

⁴² Московские ведомости, 1782, 3 декабря, № 97, с. 776.

⁴³ Утренний свет, 1778, ч. III, с. 238.

но было привлечь к себе внимание будущего русского путешественника — Н. М. Карамзина. Рано зародившийся интерес Карамзина к немецкой литературе значительно укрепился и вырос в период его тесного общения с членами новиковского кружка, издавателями «Утреннего света».

Не приходится сомневаться в том, что Карамзин еще до путешествия читал сочинение Бернса, переведенное Кутузовым, одним из самых уважаемых и влиятельных членов кружка московских розенкрейцеров. Можно полагать, что «Путешествие добродетели» занимало далеко не последнее место среди тех сочинений, которые отчасти предопределили маршрут и программу путешествия Карамзина по Европе. В сочинении, принадлежавшем немецкому автору, среди стран, по которым путешествуют герои, не было Германии: собственную страну писатель, вероятно, не хотел здесь описывать. Тсангли и Иезрад вначале находятся в Аравии, затем посещают Египет, Крит, Грецию. Довольно долго длится их пребывание в Италии: здесь происходит встреча с Клеменцией, здесь умирает Иезрад. Далее Тсангли вместе с Клеменцией отправляются через Швейцарию во Францию, а затем в Англию. Каждая из этих трех последних стран достаточно подробно охарактеризована, причем мнения немецкого писателя во многом находят соответствия в «Письмах русского путешественника», написанного через несколько лет эти страны в той же последовательности.

О Швейцарии Бернш говорит с восхищением. Гостеприимство, «честность и верность», «простота невинности» здешних жителей, наконец, их благосостояние — все это дает повод к размышлениям немецкого писателя о «вольности» швейцарцев: «Вольность святая! о источник вечных благословений! какая земля без тебя богата и счастлива!». ⁴⁴ Позднее Карамзин с не меньшим воодушевлением восклицает: «Счастливые швейцары! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному богу?». ⁴⁵

О французах Бернш пишет с некоторым скепсисом, осуждая их за «легкость в мыслях». Однако, находясь в Париже, его герой Тсангли приобретает одно ценное качество — «городскую вежливость», то есть «учится быть наилюбезнейшим собеседником». ⁴⁶ Говоря о характере француза, Карамзин в свою очередь замечает: «Ветренность, непостоянство, которые составляют порок его характера, соединяются в нем с любезными свойствами души». ⁴⁷

Отчасти совпадают мнения обоих писателей и об Англии. Бернш называет эту страну «счастливым островом», а англичан «трудолюбивейшей и богатейшей нацией», имеющей «наисовер-

⁴⁴ Там же, с. 230.

⁴⁵ Карамзин Н. М. Избр. соч. в двух томах, т. I, с. 214.

⁴⁶ Утренний свет, 1778, ч. III, с. 234.

⁴⁷ Карамзин Н. М. Избр. соч. . . , т. I, с. 506.

шеннейшее законодательство». ⁴⁸ Для Карамзина Англия — земля, «которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы». ⁴⁹

Разумеется, при всем сходстве подобных отзывов и высказываний Бериш и Карамзин смотрели на страны Европы разными глазами и по-разному передавали свои впечатления. «Путешествие добродетели», где основное место занимали отвлеченно-моралистические рассуждения, — это скорее философский трактат, чем «путешествие»; герои Бериша — аллегорические фигуры, но не живые характеры. «Письма русского путешественника» — одно из самых замечательных художественных произведений русской литературы XVIII в. По существу это сочинения разных жанров, сочинения несоизмеримых масштабов по их историко-литературному значению.

«Письма русского путешественника» были написаны Карамзиным по личным, непосредственным впечатлениям, но нельзя забывать и того, что они были подготовлены чтением многочисленных европейских «путешествий», знакомство с которыми проявилось в «Письмах» в той или иной мере. В круг этих сочинений, указанных В. В. Сиповским, ⁵⁰ стоит включить и «Путешествие добродетели» — книгу, столь высоко оцененную русскими масонами из новиковского кружка.

Очевидно, Радищев также был одним из читателей этой книги, переведенной его близким другом и «сочувственником». Радищев, как известно, посвятил «Путешествие из Петербурга в Москву» Кутузову и здесь же полемизировал с ним по вопросам политики и религии. Возможно, что некоторым материалом для полемики Радищеву послужило произведение аналогичного жанра — философско-публицистическое «Путешествие добродетели».

Во всяком случае переводные произведения, появившиеся в журнале «Утренний свет», оказались во многих отношениях интересны для русских читателей 1780—1790-х годов и нашли своеобразное преломление в оригинальной русской литературе этого периода.

⁴⁸ Утренний свет, 1778, ч. III, с. 253—255.

⁴⁹ Карамзин Н. М. Избр. соч. . . , т. I, с. 514.

⁵⁰ См.: Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, с. 238—362.